

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Моральная ломка комсомольца	9
Глава 2. Нелегальный рок-н-ролл. Арест Романова	17
Глава 3. Резкий Барыкин. Бунт «Землян». Сгоревшая иномарка	29
Глава 4. «Хочешь меня грохнуть — делай это сейчас»	39
Глава 5. Как переночевать в доме американского миллиардера	51
Глава 6. Папа русского метала	61
Глава 7. Боевой Эд. Превращение соперника в сотрудника	71
Глава 8. «Борис, хотите устроить концерт Metallica и AC/DC в СССР?»	81
Глава 9. Лисовский помогает. Троицкий не мешает. Намин вредит	91
Глава 10. Промоутерское «детство» Тёмы.	101
Глава 11. «Тушинское побоище». Рок-фест для «Книги рекордов Гиннесса»	109
Глава 12. Мы могли купить Тверскую улицу!	119
Глава 13. Захват ТВ и союз с Polygram	129
Глава 14. Лена Зосимова везде	139
Глава 15. Мои «Подружки» меня саму выбешивали	149
Глава 16. Пугачёва — гостеприимная хозяйка, но делать с ней бизнес — никогда!	165
Глава 17. Задача была — убрать этих ребят с рынка	177
Глава 18. Русское MTV за 30 миллионов долларов	191
Глава 19. Я взял Ивана Урганта к нам, но знал, что это ненадолго.	201
Глава 20. Американский консул считал меня крупным мафиози	213
Глава 21. И тогда я сказал Крутому: «Можешь покупать „Муз-ТВ“»	223
Глава 22. Алсу хотела пожать руку князю Монако. Я это устроил	233
Глава 23. Au revoir, Russie! Дауншифтинг у Женевского озера	241
P.S.	251

Михаил Марголис

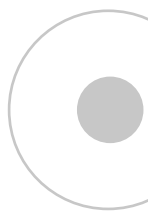
Тридцать лет назад, в 1992-м, толстый, респектабельный журнал «Деловые люди», этакий отечественный вариант знаменитого Forbes, распространявшийся в англоязычной версии и за рубежом, назвал «самым влиятельным человеком в шоу-бизнесе России» Бориса Зосимова. Выбор выглядел логично. Годом раньше этот человек сенсационно, затратив лишь три недели на подготовку, провел на аэродроме в Москве крупнейший (вписанный в «Книгу рекордов Гиннеса») международный рок-фестиваль Monsters of Rock, где хедлайнерами выступили Metallica и AC/DC, а партнерами Бориса являлись миллиардеры всемирной корпорации Time Warner, руководители московской мэрии и члены российского правительства. Он основал свою многофункциональную компанию

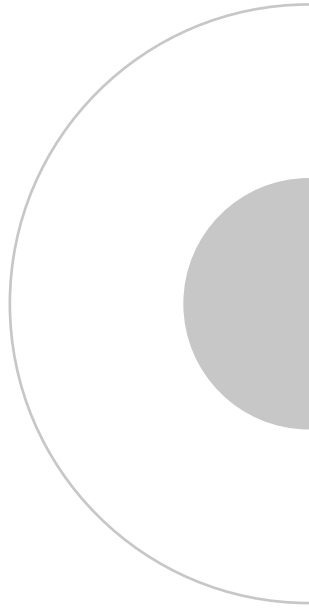
BIZ Enterprises, которая действовала по обе стороны Атлантики, проводила гастроли популярных артистов и регулярные стадионные концерты ведущих российских рок-групп. Зосимовская экспансия на ТВ, радио, в прессе была стремительной и несравнимой с результатами его конкурентов. Он галопом опережал всех на нашем музыкальном рынке, попадая, естественно, в противоречивые (читай: стремные, полукриминальные, непредсказуемые) ситуации, которыми напичкана история становления любого российского бизнеса, тем паче шоу-бизнеса. Зосимов «разруливал» эти ситуации и решал многие проблемы с изрядным авантюризмом, но эффективно, порой с гусарской лихостью. Вся его профессиональная история — увлекательный, остросюжетный сериал (вопросы к нему появлялись даже у Интерпола), перенасыщенный звездными лицами.

«Деловые люди», признав Бориса Гурьевича «самым влиятельным» в российском шоу-бизнесе в 1992-м, могли бы закрепить за ним это звание и на следующее десятилетие. Зосимов стабильно «повышал ставки» до начала нынешнего века и сохранял лидерство на российском музыкальном рынке. Это он наполнил актуальным контентом первый отечественный развлекательный телеканал «2x2», привел в Россию мирового рекорд-мэйджора Polygram, открыл MTV Russia, внедрил идею тура «Голосуй, или проиграешь», придумал телеканал «Муз-ТВ», создал свою музыкальную газету, модный журнал и сделал поп-звездой собственную дочь Лену. В определенный момент Борис решил, что достиг многого и накопил

Борис Зосимов. Человек, подаривший нам MTV и «Монстров рока»

достаточно, дабы вместе с семьей удалиться от суеты к красивому европейскому озеру и у домашнего очага не спеша созерцать происходящее в мире сегодня, периодически вспоминая былое...

МОРАЛЬНАЯ ЛОМКА КОМСОМОЛЬЦА

глава

1

К своему 70-летию он подошел с полнейшим во всех смыслах достатком, умиротворенный собственным милым домом, красивой, любящей женой, дочерьми и благолепием французской пасторали. Повесть о нем можно начать как предание...

“**В те далекие времена, когда на краю Старого Света существовала большая страна под названием СССР, где табуированную триаду «sex, drugs and rock’n’roll» заменяли «любовь, комсомол и весна»,**

В семье высокопоставленного номенклатурного чиновника Гурия Петровича Зосимова рос юноша Боря, с детства обладавший всем, о чем лишь грезили девяносто девять процентов его советских сверстников. ””

Даже родился он и юность свою провел в почти заграничной по союзным меркам Риге, а, скажем, не в Сыктывкаре или Вологде. Далее случился переезд в Москву. У папы — серьезный пост в Госплане, у Бори — поступление и окончание престижной «Плешки» (экономический университет им. Плеханова). И затем — торный карьерный путь советского «мальчика-мажора». Борису еще тридцати не исполнилось, а он успел послужить референтом в Комитете молодежных организаций СССР, инструктором в столичном Ленинградском райкоме комсомола, замначальника управления приема почетных гостей оргкомитета летней Олимпиады-80 и замначальника отдела школы переподготовки кадров комсомольских работников ЦК ВЛКСМ.

О тех официально бойкотированных внушительной частью цивилизованного мира Олимпийских играх в Москве, ставших тем не менее праздником и лучом света для огороженных железным занавесом строителей коммунизма, Борис вспоминает как об «абсолютном счастье». Одного из его райкомовских товарищей пригласили тогда поработать

в олимпийском оргкомитете, и он позвал Зосимова с собой, обрисовав заманчивые возможности: «Станешь моим замом. Займешься приемом разных почетных гостей. Наберешь четыреста переводчиков и будешь все координировать». Действительность, как пел Высоцкий, оказалась «еще шикарнее». У 27-летнего Бори появилась даже персональная служебная «Волга» с телефоном. «Представляешь, в 1979 году! Я прямо из машины звонил знакомым девушкам. Это была сказка. И я реально организовывал во время Олимпиады московский быт разных принцев, главы МОК, других VIP-персон. С Самаранчем общался. Мог пойти на любые соревнования на лучшие места. Много тогда посмотрел, только на закрытии Олимпийских игр не присутствовал — заканчивал в тот момент подготовку всяких документов. Так что Мишка на шариках улетел без меня. Вообще, эта работа мне очень понравилась. Я не пытался воспользоваться ей с какой-то личной выгодой, просто кайфовал от общения с людьми с другой планеты, оно очень раскрепощало».

Инопланетянами, разумеется, были «люди с Запада» (туристы-болельщики, члены спортивных делегаций, представители некоторых фирм), объявившиеся в «зачищенной» Москве олимпийским летом 1980-го в непривычно большом количестве. Советские фарцовщики, например, стремились наладить с гостями эффективные интернациональные товарно-денежные контакты. Зосимову и такого не требовалось. «Фарцовка в ту пору абсолютно мимо меня прошла. Хотя знал ребят, которые этим занимались.

На Садовом, помнится, у одного из магазинов была „толкучка“, и я там периодически тусовался, общался с продавцами. Но сам ничего не продавал, не покупал. Смысла не было. Во-первых, я являлся крупным комсомольским работником, у меня имелись чеки в „Березку“. Я мог там приобретать „валютные“ товары, в том числе хорошие сигареты, жвачку и т. п. Во-вторых, благодаря папе у нашей семьи было „кремлевское обслуживание“. Так что мне и без фарцовки вполне всего хватало.

Мне вообще в жизни повезло. На любую свою работу ходил как на праздник. Включая даже райком комсомола, поскольку занимался там вопросами, с политикой не связанными. Организовывал поездки советской молодежи за рубеж. Собеседования проводил, про „ордена комсомола“ спрашивал.. Коротче, все эти анекдотичные формальности. А меня самого в заграничные вояжи утверждал горком. И вот горком меня в начале 1980-х не пустил во Францию, зато я трижды съездил в Чехословакию и еще в некоторые соцстраны».

Ну, прокатили горкомовцы Зосимова с одной поездкой в капстрану, наверняка отправили бы чуть позже в другую. Обиженно хлопать дверью из-за такой частности сыну начальника отдела Госплана СССР не следовало. Впереди маячили очередные карьерные рубежи. Возможно, к середине 1980-х Борис сам бы уже стал каким-нибудь руководителем в горкоме и определял, кому куда ехать. Но что-то екнуло в его подсознании (безотносительно «французского

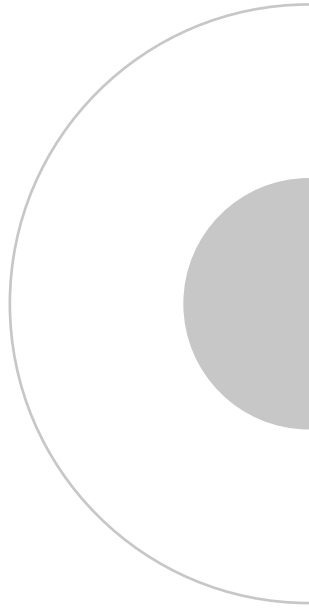
облома») после олимпийских встреч с западными гостями. Он «начал подтягивать иностранный язык» и ощутил «порыв свалить вообще из этого комсомола». Похоже, те самые «инопланетяне» в отношении Зосимова непроизвольно сработали как настоящие «агенты влияния», и не зря горкомовские кураторы сомневались в идейной стойкости своего молодого однопартийца. Хотя Борис во всем «винит» исключительно себя. «Я увидел людей с другими интересами, другой точкой зрения. Никто из них меня не агитировал, антисоветчиком не делал. Просто само общение с ними было радостью.

Пока работал в райкоме, мне прочищали мозги с утра до вечера. Войну в Афганистане объясняли примерно так: там есть какая-то гора, и с этой горы американцы могут запустить ракеты в Москву. Поэтому мы вошли в Афганистан. Когда подобное тебе вталкивают ежедневно, начинаешь в это верить. Слава богу, у меня хватило ума, оказавшись в ЦК комсомола, увидеть огромную разницу между реальностью и тем, что происходит внутри системы, где всякие Иван Ивановичи изображают из себя патриотов, а сами — конченные раздолбаи. Плюс я очень любил музыку и активно ей занимался. Вечерами ходил в единственный тогда ночной клуб в Москве. Сознание раздваивалось: оказывается, есть вот такая жизнь, нормальная, где говоришь правду, общаешься с людьми, которые тебе интересны. И есть другая, где постоянно цинично врешь и слушаешь такую же ложь в ответ. Моральная ломка была страшная. Жить в такой биполярности, раздвоенности стало

невыносимо. В итоге в 1981 году я ушел из комсомола, кинув партбилет на стол. После чего был уверен, что мне никогда не сделать никакую карьеру, не поехать ни в какую за границу, что у меня „волчий“ билет. Тем не менее совершил этот шаг абсолютно сознательно».

Маму Бориса внезапный сыновний катарсис предсказуемо шокировал. «Что ты делаешь?! — воскликнула Раиса Леопольдовна, работавшая финансовым директором московского ювелирного завода. — Ты себе жизнь погубил!» Зато сановный папа Гурий Петрович, которому Борино фрондерство могло, в принципе, аукнуться проблемами, неожиданно крамольно шепнул на ухо сыну: «Молодец». «И тут я обалдел, — не скрывает Зосимов. — Отец был человеком с таким внутренним стержнем, что плевал на любые пересуды и порой высказывался весьма смело. Да и не могли с ним ничего сделать, поскольку его как эффективного экономиста очень ценили и глава Госплана Байбаков, и председатель Совмина Косыгин. Так что мой поступок его не испугал. Напротив, показалось, папа даже обрадовался, что сын уходит из этой клоаки».

Все и впрямь обошлось без драматизма. «Начальники мои комсомольские сперва, конечно, начали распальцовку, грозили всячески, рисовали мрачные перспективы. Но никаких серьезных последствий не было».

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ РОК-Н-РОЛЛ. АРЕСТ РОМАНОВА

глава

2

Надо все же заметить, что свой райкомовский кабинет Борис покинул не из одного лишь когнитивного диссонанса. «Сработала чуйка», которая, по убеждению Зосимова, «с молодости ведет» его по жизни и «никогда не подводит». Будущий «воротила шоу-бизнеса», сдав комсомольские дела, не в сторожа подался, а сразу направился к своему весьма предприимчивому знакомому Ованесу Мелик-Пашаеву, извлекавшему прибыль из официально не существовавшего в «застойную» пору советского рок-н-ролла. В частности, Ванечка (как называли Пашаева практически все пересекавшиеся с ним музыканты) несколько лет, на стыке 1970–1980-х, представлялся директором и даже художественным руководителем «Машины Времени».

«Ванечке очень хотелось сделать карьеру — рассказывал мне Андрей Макаревич. — И когда „Машина“ пришла в Росконцерт, он настаивал на том, чтобы считаться нашим худруком. Объяснил нам, почему это нужно. Мол, именно с художественным руководителем начальство Росконцерта решает все вопросы относительно группы, и все неприятности, все шишки тоже валятся на него. А меня это очень устраивало. С радостью снял с себя административные обязанности, которые мне непроизвольно достались. Остальным же ребятам все было по херу. Хочет Ованес Нерсесыч быть главным — пусть будет».

Собственно, Пашаев и рекомендовал Борису завязывать с «госслужбой». «„Чего ты там в райкоме чепухой занимаешься, — сказал как-то Ваник. — Переходи работать ко мне, директором коллектива“». Я поразмыслил и решил, что, приняв его предложение, начну жить настоящей жизнью, в гармонии с самим собой. Если останусь в райкоме... Ну, продвинусь куда-нибудь „по партийной лестнице“. Стану, допустим, заместителем завотдела ЦК. Это совсем не вдохновляло.

Увольняясь из райкома, я, конечно, знал, что иду не на улицу, а конкретно в группу „Воскресение“. Иных вариантов у меня не было. Приглашение такого рода стало первым и на тот момент единственным. Ребята из того состава „Воскресения“ мне нравились: Лёшка Романов, Вадик Голутвин, Игорь Клёнов... И к Ванику никакой антипатии не испытывал. Что касается перспектив разбогатеть на организации

концертов, то в тот период и до определенной поры деньги не являлись для меня особой мотивацией. Я же из обеспеченной семьи, родители немало работали за границей, в материальном плане у меня проблем не было. Но я понимал, что, по сути, все начинаю заново и разрушаю уже сложившуюся карьеру. Тем не менее чуйка моя подсказывала, что так и надо».

“**Разумеется, в 1981-м я не представлял, что произойдет с Советским Союзом через десятилетие, но было предчувствие, что коммунистическая идеология и все с нею связанное накроется однажды медным тазом. Не хотелось дожидаться краха этой системы в положении пассажира «Титаника», цепляющегося левой рукой за борт тонущего корабля.**”

И Борис отправился к Пашаеву, с которым общался, когда тот еще «руководил» в «Машине Времени». «Машинисты» тогда попали в очередную опалу и фактически оказались «бездомными». «По сути, их тихо уничтожали — говорит Зосимов. — И я подписал официальную бумагу, что „МВ“ — ансамбль райкома комсомола Ленинградского района Москвы. Дал им репетиционную базу. Не то что бы спас их, они и без меня в итоге спаслись, но помог

в трудную минуту. Андрюха об этом помнит до сих пор». «Прекрасно помню, — подтверждает Макаревич, — Зосимов взял на себя смелость приютить нас на своей территории, дал помещение в подвешенном ему районе. Боря вообще был подвижный, динамичный парень, очень любивший музыку, в том числе ту, которой мы занимались. Конечно, он всячески использовал свое положение, чтобы оказать нам какую-то поддержку, если была возможность. Тогда статус одного из райкомовских руководителей кое-что значил. Правда, о том, как он оттуда ушел к Ванечке, мне ничего не известно».

«Я познакомился с Зосимовым в начале 1980-х, — рассказывает лидер „Воскресения“ Алексей Романов, — когда он как раз был в компании с Ованесом Мелик-Пашаевым. Борис Гурьевич только еще вникал в дела группы. Видно было, что парень толковый, но в нашем деле все для него в диковинку. Он же пришел таким „галстуком“ — комсомольский работник, безупречные манеры. И наша хипповая компания его до некоторой степени шокировала. Но как-то довольно быстро он к нам проникся. Ему было интересно. Он достаточно много рассказывал про какие-то свои командировки на Дальний Восток, кажется. Про тигров у него забавная история имела. Нам в группе тоже их альянс с Пашаевым был любопытен. Мне, Вадику Голутвину, Вовке Воронину, Игорю Клёнову хотелось понять, куда мы уехали. Клёнов хотя бы работал прежде с Ованесом в „Машине“. Вадик был просто опытным человеком со способностями психолога. Он на раз определил,

„ху из ху“. А для меня все выглядело непредсказуемым приключением, и каждая персона в нашем сообществе вызывала интерес. Еще Иван Бобко появился. Ованесовский дружок. В качестве кого он был? Да вот в качестве друга Ванечки. А какие функции были у Зосимова? Хрен знает. Вместе они составили некое административное ядро „Воскресения“. Думаю, Ованес какую-то схему выстроил, где всё не зря и неспроста. Он же был классным математиком и преферансистом. Они пытались нас с переменным успехом в разные филармонии трудоустроить, и мы путешествовали по стране большой бригадой. А для этого кроме бюрократической канители требовалось налаживать хорошие отношения непосредственно с нужными филармоническими деятелями. Кажется, они таким товарищам, скажем, в Йошкар-Олу, разные подарки из Москвы возили, включая сливочное масло.

Это был такой непродолжительный, но активный период в истории „Воскресения“, когда в группе собралась, в сущности, новая компания. Мы притирались друг к другу, и отношения у нас складывались не столько производственные, сколько приятельские.

Мы постоянно находились вместе, выпивали, ржали. Кажется, Боря тогда тоже принимал алкоголь. Чисто из солидарности. И сохранял при этом имидж элитного парня: элегантность, аккуратная прическа, поставленная речь, приятный баритон. Хиппи и панкам он подражать не пытался. Держался интеллигентно».

«„Воскресение“ представлялось мне довольно сложным организмом, — отмечает Зосимов. — Ребята, выпив, жили на сцене своей жизнью, а музыку, которую они играли, я понял только через много лет».

Кочевое, прикольное существование «воскресников» прервалось внезапно и жестко. В разгар короткого, но мрачного периода правления в СССР генсека Андропова волна различных «чисток», гонений и показательных кар затронула и сферу «молодежной музыки». Властям понадобилась заметная жертва среди «любительских» рок-команд для обвинения в незаконной коммерческой деятельности. Черная метка отчего-то выпала «Воскресению». В августе 1983 года Алексея Романова (а заодно с ним и звукорежиссера группы Александра Арутюнова) арестовали, затем судили и дали «сроки с конфискацией».

Ситуация выглядела диковато и мутно еще и потому, что за некую «незаконную коммерцию» (подразумевалась «левая» продажа билетов на концерты) закрыли двух участников творческого состава команды, хотя у «Воскресения» имелись администраторы, которые, по идее, и занимались финансовыми вопросами, — Пашаев и Зосимов. Но их в кутузку не отправили.

«Мы с Пашаевым на фиг никому не нужны были. Они наехали на абсолютно гениального человека, дабы покошмарить других. Те цензоры, на мой взгляд, все были больные на голову и в каждой второй строчке песен рок-групп видели угрозу развала

СССР. И на кой мы им с Ваником? Они прекрасно знали, что группы вроде „Воскресения“, так же как официальные ВИА, выступают за гонорар. И понимали, что речь тут, в сущности, о копейках. Мы же не „Елисейевский“ гастроним №1. Поэтому задача была не наши „левые“ заработки накрыть, а известного музыканта демонстративно посадить.

Хотя меня таскали очень долго по этому делу. В ОБХСС, кажется, допрашивали. Даже конкретно угрожали: скажи, Романов билеты продавал? Я отвечал: вы что, ненормальные? Какие билеты он мог продавать? Романов — артист. Есть же касса, филармония — они и продавали билеты. А Лёшка групповой поход в туалет не смог бы организовать. Что он там следователям сам о себе наговорил — не знаю, но его закрыли, просто придумав повод.

Не забуду, как ходил утверждать в Минкульте тексты Лёшкиных песен. Женщина, проверявшая репертуар группы и ставившая печать на листочках, каждый раз говорила: „Боря, я понимаю, что он гениальный поэт. Но я не могу это пропустить“. И я за Лёшку что-то дописывал. Грубо говоря, переделывал „Кто виноват“, „По дороге разочарований“, вставлял в них какой-то абсолютный бред, подавал ей на „литовку“, она ставила печать, и я радостно возвращался, говоря — ребята, пойте что хотите».

Произошедшее с Романовым, разумеется, обсуждалось в музыкантских кругах и, скажем так, в тусовке. Некоторые удивлялись, что в этой теме

администраторы «Воскресения» как-то моментально исчезли с горизонта. Ни в «Бутырку» ради, например, свидания или передачи, ни к Алексею в суд, проходивший в подмосковном Железнодорожном, Пашаев и Зосимов не приезжали.

«Сложно сказать, почему я к Лёшке в тюрьму не ездил, — говорит Зосимов. — Нас так шокировал его арест, что мы все как-то сразу разошлись в разные стороны. Я даже не интересовался, вызывали ли Ваню на допросы. Случись такое сейчас, не дай бог, поехал бы обязательно. А тогда, возможно, не понимал всей мерзости и сложности ситуации».

«Боря много чего не помнит, — объясняет Романов. — В „Бутырку“-то вызывали только на очные ставки. И ко мне приезжал туда, по-моему, только Андрюшка Сапунов, потому что его вызвали именно на „очку“. Следователей интересовал период с 1981-го по начало 1982 года, когда Зосимова и Пашаева еще в группе не было. А то, что Борю таскали в ОБХСС, — так это просто всех допрашивали из нашего круга. Но в „Бутырку“ их с Ванюшкой не звали. А свидания там предоставляли только с родственниками. Ну и куда бы Зосимов приехал? Постоять у проходной? На хера это надо?»

Никаких претензий к нему и близко нет! Образно говоря, меня тогда сняли с другого „парохода“. С Пашаевым и Зосимовым мы хотели как раз легальную, филармоническую деятельность наладить. И насколько-то смогли. Достаточно много

прокатились, с забавными эпизодами. Нам порой устраивали худсоветы и просмотры прямо на маршруте. Приезжали роскошconcertовские дядьки и тетки. Ованес специально для таких случаев разучил каприс Паганини на фоне, раза в полтора медленнее, чем нужно, его играл, но все-таки! И, кажется, Борька тоже что-то на сцене музицировал. Еще Миша Богудлов из московской филармонии с нами был, изображал этакого пирата на бонго. В общем, придумали достаточно забавный номер: этюд Паганини в слегка цирковом обрамлении, чтобы было понятно: мы — бригада артистов, а не какие-то проходимцы.

А о том, что Зосимов чего-то дописывал в мои тексты, когда их „литовал“, я знаю с его слов. Честно говоря, посмотрел бы на эти шедевры. Безумно интересно. У меня был несколько позже эпизод, когда я катался с тем же Ованесом, но в качестве автора-исполнителя, и опять за нами ездила бригада проверяющих из Росконцерта. И Любовь Михайловна Барулина, литредактор, почему-то очень боялась песни „Солнцем освещенная дорога“. Что это: жизнь после смерти? Ей было за шестьдесят, и ее это очень пугало. Предложила мне читать поэтов Серебряного века. Я почитал и понял, что у меня гораздо оптимистичнее вещи. Потом она докопалась до „Кто виноват?“. Я принес ей одиннадцать вариантов текста. Она все прочитала, охнула и сказала: „Исполни что хочешь“».

Автор композиции «Радуюсь» (где упомянута та самая «солнцем освещенная дорога») провел

в Бутырской тюрьме немало месяцев и лишился части своего имущества, а от Зосимова «через несколько допросов отстали». Развеивая сомнения в чистоте своих тогдашних действий, Борис говорит: «Почему в итоге не тронули ни меня, ни Ваника — понятия не имею. Даже если предположить, что мы попробовали „перевести стрелки“ на Романова, получится бред сивой кобылы. То есть два администратора группы убедили следователей, что продажей билетов у нас занимался вокалист! В такую чушь никто бы не поверил. Они целенаправленно катком проехали по Лёшке. И никаких объяснений на эту тему, тем более упреков с его стороны типа „что же вы меня бросили“, никогда в нашем последующем общении не возникало».

Зосимов и Романов действительно сохраняют нормальные отношения по сей день (они, к слову, ровесники, и в 2022-м у обоих юбилей). В нынешнем веке Алексей со своей супругой Ларисой пару раз даже приезжал погостить к Борису и его семейству на берега Женевского озера. «В 2017-м заезжали к ним на шашлык под пути из Грюйера, где слопали столько сыра, что шашлык уже не пошел, — вспоминает Романов. — Просто вина попили, пообщались. А через пару лет приехали к Боре вновь. Лето, июль, собственный бассейн, вкусная еда. Нас принимали прекрасно. Борька сейчас такой барин, вальяжный, окружен красивыми девками. И дай им бог — дружная, счастливая семья».

РЕЗКИЙ БАРЫКИН. БУНТ «ЗЕМЛЯН». СГОРЕВШАЯ ИНОМАРКА

Глава

3

В первой половине советских 1980-х картина выглядела иначе, и до альпийской релаксации «под крышей дома своего» Зосимову предстоял длинный, рискованный маршрут. После олимпийского оргкомитета, куда он попал по наводке райкомовского коллеги, и «Воскресения», где оказался по зову Мелика-Пашаева, Борис стал действовать самостоятельно, ибо появился выбор возможностей.

«Когда Лёшку Романова забрали в тюрьму, „Воскресение“ распалось. Мы с Ваником не понимали, что делать. Я сказал, что попробую пойти на „свои хлеба“, и начал работать с Сашей Барыкиным. Несколько лет у нас получалось весьма успешно. Он отлично понимал, что я не обманываю его в финансовых

вопросах. Это совсем не в моих правилах. И при этом я „заряжал“ ему нереальное количество концертов. Мы работали по всей стране, то от Московской областной филармонии, то от Ташкентского цирка. А поскольку мне тогда нельзя было числиться администратором или директором, чтобы получать свои деньги, приходилось представляться музыкантом. Во время выступлений я, как ишак, номинально присутствовал на сцене, стоял где-то позади, возле кулис».

Возможно, в середине 1980-х, рядом с Барыкиным, уже прошедшим «Динамик» и «Карнавал», Борис на сцене и впрямь чувствовал себя «ишаком». Но пятнадцатью годами раньше, на заре 1970-х, в подмосковных Люберцах бывало и по-другому.

«Я в ту пору играл там на танцплощадке в составе ансамбля „Струны сердца“. Был клавишником и вокалистом. Выходил к публике в белом костюме и думал, что на нас все, включая Сашу Барыкина, который периодически появлялся там на танцах, смотрят как на богов. Не забуду, как орал в микрофон что-то из „цеппелинов“, кажется, Whole Lotta Love, и затем услышал, как двое парней перед сценой делились друг с другом впечатлением: смотри, чувак поет почти как Плант. Тогда у меня крышу сносило от таких комплиментов. Потом-то понял, насколько все это было смешно.

Есть ли у меня записи тех лет с моим вокалом? Нет. Ты не первый, кто об этом спросил. И жена

интересовалась, и дети. Но ничего из той концертной практики у меня не сохранилось. Зачем? Когда впервые услышал, как на более-менее приличной для Союза аппаратуре люди играли намного лучше, чем я, тут же решил: все, музыкантом не буду, а стану тем, кто командует музыкантами за кулисами».

“ И в амплу начальника Зосимов действительно оказался эффективен, при этом со всеми «подведомственными» ему исполнителями сохранял вполне позитивные отношения. ”

«С тем же Сашей Барыкиным мы очень дружили и никогда не конфликтовали. На гастролях жили в одном номере. Это было просто необходимо. В нормальном состоянии он просыпался утром, подходил к зеркалу и произносил: „Родит же бог такую красоту!“ Но когда выпивал, мог запросто с шестого этажа пойти гулять. Приходилось его контролировать.

Деталей нашего расставания сейчас не помню. По моему, мне сначала Володя Кузьмин что-то предложил. Но у него в тот момент начался роман с Пугачевой, и я сказал: „Володя, я никогда не смогу дать тебе столько, сколько эта девушка“ и остался на своем месте. Но тут нарисовался Владимир Киселёв,

видимо, заметивший и оценивший эффективность моей работы с Барыкиным. Он позвал в группу „Земляне“. Я не хотел уходить от Саши. Однако Киселёв долго уговаривал, и я все-таки согласился».

Обращение к Зосимову директора-барабанщика «Землян» Владимира Владимировича Киселёва (кстати, тоже ровесника Бориса) на первый взгляд казалось странноватым. Зачем вполне благополучному, официально ленинградскому ВИА, с комсомольским задором певшему про траву у дома и каскадеров, понадобился столичный беглец из ЦК ВЛКСМ, экс-администратор «любительской» рок-команды «Воскресение», фронтмена которой уpekли в Бутырку? А уж учитывая специфический характер, амбиции, связи и методы работы Киселёва (позволившие ему постепенно забраться фактически на вершину пирамиды нынешнего российского шоу-бизнеса), его кооперация с Зосимовым смотрелась совсем загадочно и взрывоопасно. В итоге полыхнуло так, что многие запомнили. Но сначала все развивалось мирно.

«Теперь-то я понимаю, почему Киселёв тогда меня уговаривал, — ему понадобилась база в Москве. Таковой для питерских стала моя квартира. Известный ленинградский журналист Миша Садчиков (к сожалению, уже покойный) у меня регулярно останавливался. Музыканты „Землян“ тоже, а Вова года два фактически жил у меня, поэтому я, наверное, лучше всех знал, кто он и что из себя представляет. Досконально его изучил. Невыносимый человек с о-о-очень

тяжелым характером. Я хорошо относился к его дочкам и первой супруге. Абсолютно чудесные люди. А вот сам Вова, уф-ф... Я терпел наше общение два с лишним года. Он кормил меня финансовыми обещаниями и всякий раз добавлял: чуть попозже, погоди еще немного. По нашей договоренности мне полагался определенный процент от выступлений ансамбля. И этого процента все не было и не было. По сути, он задолжал мне приличную сумму. А потом уже и деньги стали не важны, просто взаимодействовать с Киселёвым категорически не хотелось. Сегодня, когда он вновь на виду, думаю, многие из тех, кто с ним пересекается по каким-то вопросам, поймут, что я чувствовал тогда.

В какой-то момент я сказал: „Володь, если ты в ближайшие пару месяцев свое поведение не изменишь, я тебя выкину из группы“. Он посмеялся в ответ, решив, что я пошутил. Но я подчеркнул, что настроен серьезно, поскольку понимал: сделать это будет довольно легко. Группа его тогда уже ненавидела. Он вытворял неприемлемые в нормальном коллективе вещи и общался с музыкантами так, что они сами признавались: „он нас за людей не считает“. Представь, со мной от Киселёва ушли все „Земляне“, включая техников».

Произошло это в 1986-м, после «трудового собрания» в группе, которое состоялось вроде как по инициативе музыкантов, но все догадывались, что без влияния Бориса тут не обошлось. По итогам собрания «Земляне» отправили письмо в Госконцерт, сообщив,

что не хотели бы в дальнейшем работать с Киселёвым. Их в «головной конторе» услышали. Киселёва из «Землян» убрали, а все руководство группой делегировали Зосимову. Такой лихой сюжет изумил многих. Те, кто был «в теме», ожидали продолжения истории. Владимир Владимирович и в восьмидесятые был уже «непростым товарищем», ввязываться с которым в открытую конфронтацию никому особо не хотелось. А тут «пошёл на таран» в общем-то ещё мало кому знакомый Боря Зосимов, воспринимавшийся как киселёвский помощник.

«Конечно, я отчетливо понимал, что сильно рискую. Этот эпизод многих шокировал в нашей индустрии (если считать, что она уже была). Помню, на каком-то сборном концерте в „Олимпийском“, вскоре после увольнения Киселёва, на меня практически все артисты и администраторы смотрели с вопросом: а кто это вообще? Киселёва в нашей маленькой в то время музыкальной тусовке считали мама дорогая какой серьезной фигурой. Вова же умеет себя подать, что он крут до нереальности. И тут кто-то умудрился его сместить с насиженного места! После этого обо мне, наверное, впервые всерьез заговорили в профессиональной среде».

Разговоры усилились, когда внезапно сгорела машина Зосимова, прямо под его домашними окнами. «Машина была шикарная — „Форд-Сьерра“. Для той Москвы — нечто! Второй такой в столице не было. Купил ее в рассрочку у одного артиста Большого театра. За 50 тысяч рублей. Огромная сумма по тем

временам. Когда катался на ней, девушки, образно говоря, под колеса кидались. У нее еще эффектный спортивный спойлер сзади был. Гонял на ней в Крым. А в Москве дурковал: гаишники тормозят, сотрудник подходит и предъявляет мне за превышение скорости. Я согласно киваю в ответ и.. трогаюсь с места! За мной — погоня. Сейчас пристрелили бы, наверное. А тогда просто вновь остановился через километр, гаишник опять подошел, а я еще раз свой трюк повторил. Снова поехал, не предъявив документы. С ГАИ у меня отношения были шикарные. А как в те времена могли наказать? Выписывали десятирублевый штраф, и все.

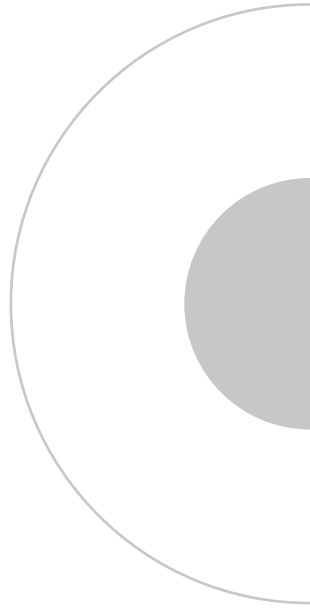
Хотя номера однажды у меня все-таки сняли — „за систематические нарушения“. И что? Смешно говорить сегодня, но без номеров на моем „Форде-Сьерре“ мы с Сашей Шульгиным прокатились из Москвы до Риги. Отдыхать отправились в мой родной город».

А вскоре у Бориса появились возможности путешествовать не только по Советскому Союзу, но и летать в Америку. Однажды туда, за океан, ему дозволилась мама и взволновано сообщила: «Боренька, у нас несчастье!» Зосимов испугался, подумав, что с папой что-то произошло. Но Раиса Леопольдовна утешила: «Тебе сожгли машину».

«Я выдохнул. Ну, сожгли, что ж.. Не главная потеря в жизни. Через пару недель вернулся в Москву, сходил на стоянку, взглянул на обгоревший остов своего „Форда“».

Молва, да и сам Зосимов, сразу определили наиболее вероятного «заказчика» сожжения дорогого авто. Вспомнили о скандально выдворенном из «Землян» Владимире Киселёве. Но потом все как-то улеглось, «разрулили» инцидент. Ныне на вопрос «Причастен ли Киселёв к поджогу твоей машины?» Борис отвечает ностальгически-мемуарно: «Не знаю... Так же, как не знаю, чем бы все закончилось, случись наш конфликт года на три-четыре позже. А в конце 1980-х жизнь человеческая еще чего-то стоила. И тогда состоялась определенная „встреча в верхах“, где серьезные люди все решили словами, объяснив, что трогать меня не надо, иначе возможна ответная реакция.

Вообще, с годами знакомых из того далекого прошлого оцениваешь во многом иначе, отношение к ним меняется. У меня зла ни на кого нет, даже на Киселёва. В принципе, он мой единственный грех в жизни. Я ведь выдал тогда человека из его дела».

«ХОЧЕШЬ МЕНЯ ГРОХНУТЬ — ДЕЛАЙ ЭТО СЕЙЧАС»

глава

4

За редкую в СССР иномарку Борис выложил десятки тысяч рублей, его пламенный (в прямом и переносном смысле) конфликт с бывшим деловым партнером уладили «серьезные люди», директорское портфолио Зосимова пополнялось во второй половине 1980-х именами популярных артистов, гаишникам на штрафы он запросто отстегивал «червонцы» — без заметного ущерба для личного бюджета. У него получалось быть удивительно удачливым молодым человеком в разгоравшейся «лотерее» советской перестройки.

““ **Борис точно улавливал порывы
и направление горбачевского**